

УДК 82.0

DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74

Научная статья
Scientific article

Дата: поступления статьи: 14.04.2021
после рецензирования: 09.06.2021
принятия статьи: 25.06.2021

К.В. Сарычева

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1357-900>

Семиотизация прошлого в статьях Эйхенбаума о Лермонтове 1930–1940-х гг.

Аннотация: исследование основано на представлении об историческом процессе как семиотической системе, сформулированной Б.А. Успенским. Цель статьи – рассмотреть в рамках этой концепции историко-литературные работы Б.М. Эйхенбаума 1930–1940-х гг., затрагивающие сюжет о споре Лермонтова с Белинским в ордонанс-гаузе. Часть обсуждаемых статей Эйхенбаума ранее не была изучена. Частое обращение к одному и тому же сюжету в разных контекстах позволило предположить, что он был важен не только с историко-литературной точки зрения, но и имел особую личную значимость для исследователя. В этой связи в статье продолжены наблюдения Е.А. Тоддеса об имплицитном проецировании на историческое прошлое событий современности, что помогало Эйхенбауму преодолевать императив литературной критики и литературоведения, предписанный советской идеологией. Проанализирована эволюция понимания истории литературы в работах Эйхенбаума, и выявлены элементы языка статей, которые дают понять, что в текст научного анализа вкладывается проекция на современность. В результате работы сделан вывод о том, что историческое прошлое в лермонтоведческих исследованиях Эйхенбаума является семиотической системой, одновременно сообщающей историко-литературные факты и следующей официальному дискурсу и содержащей неофициальный (индивидуальный) дискурс о современности.

Ключевые слова: Эйхенбаум, Лермонтов, Белинский, формализм, советское литературоведение, история, история литературы, современность, семиотическая система.

Цитирование: Сарычева К.В. Семиотизация прошлого в статьях Эйхенбаума о Лермонтове 1930–1940-х гг. // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 2. С. 65–74. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74>.

Благодарности: выражаю сердечную благодарность организаторам конференции «“Современное” как проблема в истории литературы и культуры» Ксении Алексеевне Сундуковой, Ларисе Геннадьевне Тютеловой за приглашение и возможность выступить и участникам конференции за обсуждение и ценные соображения, высказанные по поводу моего доклада.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сарычева К.В., 2021 – PhD по русской литературе, зав.отделом научно-исследовательской работы Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, 121069, г. Москва, Трубниковский пер., 1/17.

K.V. Sarycheva

Vladimir Dahl State Literary Museum,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kr.sarycheva@gmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1357-900>

Semiotization of the past in the Lermontov studies of B.M. Eikhbaum in the 1930s – early 1940s

Abstract: the research is based on the concept of the historical process as a semiotic system, formulated by B.A. Uspenskii. The article aims to analyse within the framework of this concept the historical and literary works of B.M. Eikhbaum of the 1930s – 1940s, dedicated to the meeting of Lermontov and Belinsky in the prison. Some of the papers discussed here have not been previously studied. The fact that Eikhbaum frequently referred to that episode and mentioned it in different papers let us assume that it was significant not only from

the literary and historical point of view, but it also contained unique significance for the researcher. The article extends the observations made by E.A. Toddes regarding the implicit projection of contemporary events into the historical past that helped Eikhenbaum to overcome prescriptions of the Soviet ideology and literary criticism. The evolution of the history concept in papers of Eikhenbaum was analyzed and the elements of the language, resembling the contemporary epoch, were demonstrated. As a result, the author comes to the conclusion that the historic past of the Lermontov studies, carried out by Eikheinbaum, is the double coded semiotic system simultaneously, expressing the literary and historical facts, as well as following the official discourse and containing the unofficial or individual discourse regarding the contemporaneity. **Key words:** Eikheinbaum, Lermontov, Belinsky, formalism, Soviet literary criticism, history of literature, history, modernity, semiotic system.

Citation: Sarycheva, K.V. (2021), Semiotization of the past in the Lermontov studies of B.M. Eikhenbaum in the 1930s – early 1940s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 2, pp. 65–74, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2021-1-2-65-74>.

Acknowledgments: I would like to express my heartfelt gratitude to the organizers of the conference «“Contemporary” as a problem in the history of literature and culture» – Ksenia Alekseevna Sundukova, Larisa Gennadievna Tyutelova for the invitation and the opportunity to participate in the conference, and to the participants of the conference – for the discussion and valuable thoughts expressed during my presentation.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Sarycheva K.V., 2021 – PhD in Russian Literature, Head of Research Department in Vladimir Dahl State Literary Museum, 1/17, Trubnikovskiy Lane, Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

Согласно наблюдениям Б.А. Успенского, исторический процесс может быть рассмотрен как семиотическая система, как текст, значимый не только для осмысления исторического прошлого, но и настоящего и будущего. Как отметил исследователь: «Для того, чтобы прошлое стало предметом исторического рассмотрения, оно должно быть осмыслено именно как прошлое, т.е. отчуждено от настоящего и отнесено к другому временному плану (к другой действительности); итак, то прошлое, с которым имеет дело история, – это отчуждаемое прошлое. Сам процесс отчуждения от настоящего предполагает семиотизацию прошлого, когда прошлое организуется как текст, прочитываемый в перспективе настоящего» (Успенский 1996, с. 20).

Материал, к которому мы обратимся в настоящей статье, имеет особый статус – это историко-литературные исследования Эйхенбаума 1930–1940-х гг., казалось бы, не предполагающий отступления от строго научного языка, т.е. не предполагающий двойственного толкования. Тем не менее, как мы покажем ниже, в статьях о Лермонтове автор дает считываемые намеки на то, что их следует рассматривать как семиотическую систему, дающую читателю понимание не только историко-литературной информации.

Такое предположение спровоцировано тем, что в нескольких работах этого времени Эйхенбаум рассуждает об одном и том же эпизоде: о встрече и споре Белинского с Лермонтовым в ордонанс-гаузе в 1840 г., к которому он не обращался в более ранних работах. И, как нам представляется, Эйхенбаум помещает этот сюжет в разные статьи не только из соображений методологических поисков, но и по причине личного интереса к нему. Зная к тому же, что история всегда была важна для Эйхенбаума как

ключ к пониманию современности (хотя трактовка этих понятий менялась, на что влияла и его эволюция как ученого, и внешние, социокультурные и политические события), мы можем предположить, что статьи 1930–1940-х гг., когда Эйхенбаум перестал вести дневники, имеют двойной смысл.

В исследовательской литературе об Эйхенбауме принято выделять последнее 30-летие его жизни (конец 1920–1950-е гг.) как время, когда в научных работах ему приходилось идти на компромисс с советской идеологией. Тогда как И.З. Серман (Серман 1984), К. Эни (Апу 1990, 1994), Дж. Кертис (Кертис 1994) высказывали мнение, что Эйхенбаум, подвергавшийся давлению идеологически ангажированного советского литературоведения, усвоил его стиль и язык, была представлена и другая точка зрения, согласно которой Эйхенбаум противостоял литературоведению, верному советской идеологии, чему посвящена часть статьи П. Дружинина (Дружинин 2012).

Проблему противопоставления этих двух языков описания истории литературы Е.А. Тоддес решает через выявление имплицитных проекций своей современности на историко-литературные события в работах Эйхенбаума (Тоддес 2019). Тоддес не отрицает того, что ученый к 1940-м гг. прошел путь адаптации, «интериоризации», «когда вмененные логические презумпции невозможно отделить от собственных представлений исследователя» (Там же, 282). В то же время Тоддес убедительно показал на примере статей Эйхенбаума о Толстом и Лермонтове 1930–1950-х гг., что при отсутствии возможности вести дневники в 1930-е гг. Эйхенбаум рассеивал в научных работах описание своей эпохи через неявные исторические аналогии.

В статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935), по наблюдению Тоддеса, Эйхен-

баум включает имплицитные параллели между временем Лермонтова и событиями 1930-х гг.:

«Оценка 1830-х годов – “одна из самых мрачных и страшных эпох русской истории” – заставляет думать, что эта странная гипербола, представляющая собой некий концентрат герценовского описания, сублимирует страхи столетием позднейшей эпохи. На рациональном уровне преодолеваемые в ходе адаптации, они вытеснились в историческую сферу. И в том же абзаце: “Люди того круга, к которому он <Лермонтов> принадлежал, боялись переписываться, боялись писать дневники и воспоминания, боялись собираться и говорить” (Эйхенбаум с 1930 г. перестал вести дневник)» (Тоддес 2019, с. 279).

Как нам представляется, рассмотрение имплицитных параллелей с современностью в статьях Эйхенбаума на историко-литературные темы имеет важный методологический потенциал, поскольку позволяет увидеть в этих работах содержание, не считываемое при их рассмотрении только как научных текстов, и скорректировать представление относительно усвоения Эйхенбаумом стиля советского идеологического литературоведения.

Спор Белинского с Лермонтовым в работах Эйхенбаума 1930-х–начала 1940-х гг. и проблема описания современности

В рамках настоящего исследования мы будем говорить о лермонтоведческих статьях Эйхенбаума. Лермонтов, наряду со многими классиками русской литературы (Л.Н. Толстым, А.И. Герценом, А.П. Чеховым, Н.Г. Чернышевским и др.), был заново осмыслен советской критикой и литературоведением. Авторы теперь рассматривались в отношении их соответствия делу социалистической революции, создания нового государства и общества, их творчество, биография, отношения с современниками – как этап на пути к этому событию. Идеологическое толкование классики было предписано во многом статьями и выступлениями министра народного просвещения А.В. Луначарского 1920-х гг., литература воспринималась им как политический инструмент (История русской литературной критики 2011). Статья Луначарского «Лермонтов – революционер» (1926) обозначила актуальность поэта для политической современности 1920–1930-х гг.

Тогда же свое понимание истории разрабатывает Эйхенбаум (Левченко 2012, с. 172). В ранней брошюре «М.Ю. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924) он заявляет о необходимости «исторических аналогий» между современной и прошлой исторической эпохами, поскольку «в истории ничего не повторяется, но именно потому, что ничего не исчезает, а лишь видоизменяется» (Эйхенбаум 1924, с. 9). Творчество Лермонтова, рассмотренное с точки зрения

эволюции литературных форм, является фактом истории, поскольку оно сохраняется в преобразованном виде в современности: «“Исторический Лермонтов” есть Лермонтов, *понятый исторически* (Курсив Б.М. Эйхенбаума) – как сила, входящая в общую динамику своей эпохи, а тем самым – и в историю вообще. Мы изучаем историческую индивидуальность, как она выражена в творчестве, а не индивидуальность природную (психо-физическую), для чего должны привлекаться совсем другие материалы» (Там же).

И в том понимании творчества и фигуры Лермонтова, которое предложил Луначарский, и в концепции Эйхенбаума существенна связь поэта с современностью, в одном случае – с литературной, в другом – с социально-политической. Как кажется, Эйхенбаум не отказывался и в последующих статьях о Лермонтове от представления о его актуальности в современности, несмотря на то что оно варьировалось в зависимости от меняющихся условий научной биографии исследователя или непосредственно аспекта изучения Лермонтова.

Нюансы в трактовке Эйхенбаума истории и современности хорошо видны на примере того, как он рассматривает в разных статьях сюжет встречи Белинского с Лермонтовым в ордонанс-гаузе в 1840 г. Эйхенбаум впервые обращается к этому событию в статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935). Впоследствии этот сюжет будет рассмотрен Эйхенбаумом в нескольких работах 1930-х–начала 1940-х г. и помещен в разные контексты.

Настойчивое обращение к эпизоду встречи двух литераторов в тюрьме скорее всего было мотивировано начавшимися в 1930-е гг. арестами. Такая параллель кажется вполне очевидной и недвусмысленной.

Попытки описать один и тот же сюжет с разных точек зрения имели и методологический смысл – поиск новых подходов к известному материалу. Факт встречи Белинского с Лермонтовым был известен и до того, как к нему обратился Эйхенбаум. Эта часть биографии Лермонтова освещалась и И.И. Панаевым в «Литературных воспоминаниях» («Современник», 1861, № 2, отд. 1. С. 652–668; изд. также в Academia в 1928 г. под редакцией Иванова-Разумника), и А.Н. Пыпиным в монографии «Белинский: его жизнь и переписка» (СПб., 1876), и П.А. Висковатовым в биографии «Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова» (1891). Но до Эйхенбаума этот эпизод не рассматривался с историко-литературной точки зрения.

После опубликования статьи «Основные проблемы изучения Лермонтова» (Эйхенбаум 1935) Эйхенбаум возвращается к теме беседы Белинского с Лермонтовым, на ее основе пишет доклад и статью «Спор Белинского с Лермонтовым»

(1939–1940), касается его в статье «Живой образ Лермонтова» (1940). Нам не удалось найти информации о прижизненных публикациях перечисленных статей, неизвестно также, отдавал ли их Эйхенбаум в печать. Указанные работы предшествовали и сопутствовали написанию одной из главных статей этого периода, «Литературная позиция Лермонтова» («Литературное наследство», том 43–44, 1941).

В статье «Основные проблемы изучения Лермонтова» (1935) Эйхенбаум поднимает проблему связи литературных произведений Лермонтова с биографическими и современными ему социально-политическими событиями. Встреча Белинского с Лермонтовым для Эйхенбаума – столкновение и противоборство противоположных социальных типов, Лермонтов был представителем великосветской молодежи, носителем «субъективно-салонного взгляда на жизнь», «человеком совсем иного круга, чем Белинский, – человек совсем другого душевного и умственного опыта» (Эйхенбаум 1935, с. 30).

В центре внимания исследователя эпизод встречи Белинского с Лермонтовым оказался в докладе «Спор Белинского с Лермонтовым», прочитанном 15 марта 1939 г. в Институте литературы (рукопись доклада хранится в РГАЛИ) и одноименной статье (Эйхенбаум 1939–1941). Эйхенбаум существенно меняет аспект рассмотрения этого события по сравнению с более ранней статьей, описывая диалог двух литераторов теперь в терминах психологии.

Исследователь отмечает, что Белинский «о стихотворениях <...> “субъективного типа”, отзываясь без восторга» (Эйхенбаум 1939–1941, 1 л.), а в 1840 г. в письмах критика «к борьбе с субъективностью присоединяется борьба с рефлексией (Подчеркивание здесь и далее Б.М. Эйхенбаума)» (Там же, 1 об.).

По сравнению со статьей 1935 г., рассматривавшей столкновение литераторов на социальном уровне, Эйхенбаум описывает их психологическое взаимодействие и проблему личного восприятия художественного произведения, на которое влияет психологическое состояние читающего и пишущего.

В начале статьи Эйхенбаум отмечает: «... отношения, образовавшиеся в 1840 г. между Белинским и Лермонтовым, составляют “крупную психическую подробность (Курсив здесь и далее автора) в жизни нашего критика”» (Эйхенбаум 1939–1941, 3 л.).

Эйхенбаум подчеркивает, что первая статья Белинского, написанная после посещения ордонанс-гауза, представляет собой «очень важную характеристику Лермонтова – его *психологического портрета* или своего рода мемуар» (Эйхенбаум 1939–1941, 8 л.).

Вторая тема в статье Эйхенбаума – восприятие действительности и ее отражение в литературном произведении, восприятие художественного произведения и факторы, которые на это влияют.

Обращение к проблеме психологии творчества и восприятия, конечно, никак не соотносилось с основами «партийного» литературоведения. Пытаясь подобрать ключ к известным фактам биографии Лермонтова, Эйхенбаум подходит к психологии искусства.

Тем не менее Эйхенбаум, очевидно, не мог избежать навязанных советской критикой клише: «Белинский старался заронить в душу Лермонтова “семена глубокой веры” в достоинство жизни и людей; на деле, если верить Анненкову, Лермонтов забросил в душу Белинского первые семена нового, революционного, учения» (Эйхенбаум 1939–1941, 5 л.).

В то же время в работах о споре критика и поэта, возможно, есть намеки и на индивидуальное отношение к современности, которое чувствуется, например, в том, как Эйхенбаум вводит в повествование цитату из статьи Белинского о «Герое нашего времени» (1841), где Белинский отказывается от предыдущего понимания романа Лермонтова: «На эту перемену повлияло, вероятно, и предисловие Л-ва, в котором он кое-где как будто продолжает спор с Белинским. Об этом предисловии Белинский говорит: “*Читая строки, читаешь и между строками*; понимая ясно все, сказанное автором. Понимаешь и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым”» (Эйхенбаум 1939–1941, 2 л.).

Цитата вполне прозрачно говорит и о ситуации в советском обществе 1930-х гг., причем и сами эти слова Белинского как будто являются ключом к прочтению всего текста Эйхенбаума — знаком того, что нужно видеть не только прямой смысл, но и читать «между строками».

Не менее значима проблема датировки встречи для Эйхенбаума:

«Материал об этом свидании и его дате (вероятно – в начале апреля): 10 марта арестован и помещен в Орд.-гаузе, но не в комнате “для подсудимых офицеров”, которая была занята, а в комнате караульного офицера; 17 марта был переведен на Арсенальный караул (гауптвахта); после 22 марта (не позднее 34-го) обязательно водворен в Орд.-гауз и помещен в “особенной комнате для гг. подсудимых офицеров”. Ср. письмо к Соболевскому. Чепуха в “Летописи” Белинского, где свидание датировано 18 февраля. О самом свидании: письмо Боткину 14 марта (по чужим рассказам), 19 марта – ни звука, 16 апреля – подробно: “Недавно был я у него в заточении”. Что свидание происходило именно в Орд.-гаузе, доказывается словами Панаева: см. на моем листке. Цитаты из письма Б. от 16 апреля и из Панаева» (Эйхенбаум 1939–1941, 1 об.).

Выяснение даты встречи было важно здесь не только для восстановления всей фактологии этого события, но и, возможно, для указания на параллель с реальным временем написания и чтения доклада, которое также состоялось в марте и накануне столетия с момента исторической встречи Лермонтова с Белинским. Косвенно это предположение подтверждается тем, что Белинский и Лермонтов виделись и до 1840 года, они учились вместе в Московском университете и могли видеться в Москве, к этому времени уже были известны воспоминания Н. М. Сатина о встрече Лермонтова с Белинским в Пятигорске в 1837 году (Сатин 1895), но Эйхенбаум эти сведения оставляет за скобками. В статье «Спор Белинского с Лермонтовым» Эйхенбаум ставит дату под эпитафией, взятым из письма Белинского к Боткину:

«Я с ним спорил»

Белинский В. Боткину. 16/IV. 1840» (Эйхенбаум 1939–1941, 3 л).

Психологический портрет Лермонтова интересует Эйхенбаума и в статье «Живой образ Лермонтова» (1939). Она не была исследователем опубликована и появилась, насколько нам известно, впервые в сборнике статей Б. М. Эйхенбаума «О поэзии» (Л., 1969). В этой статье исследователь рассматривает личность поэта как результат исторического процесса, ссылаясь на слова Анненкова: «Выдержка у Лермонтова была замечательная: он не сказал никогда ни одного слова, которое не отражало бы черту его личности, сложившейся, по стечению обстоятельств, очень своеобразно <...> Психологические черты и особенности поведения здесь накрепко связаны с эпохой, с историей» (Эйхенбаум 1969, с. 315).

Противоречивые, взаимоисключающие проявления характера Лермонтова, как их описывает Эйхенбаум, были обусловлены эпохой после декабрьского восстания, и в этом описании также видится отсылка к психологическому портрету современника, вынужденного скрывать свою истинную натуру, чтобы уберечь себя от подозрений: «“Презрительность” Лермонтова оказывается замаскированной гуманностью, а гордость — необходимой позицией (а не позой), способом самозащиты» (Эйхенбаум 1969, с. 315).

История встречи двух литераторов здесь помещена в контекст описания психологии личности Лермонтова и упомянута очень бегло: «Глубокий могучий дух! (писал Белинский В. Боткину в 1840 г., после свидания с Лермонтовым в ордонанс-гаузе) Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного!... Чудная натура!» Далее Белинский сообщает, что по некоторым вопросам он спорил с Лермонтовым — «и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и осмысленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры

в достоинство того и другого». Особенно восторгается Белинский натурой (Подчеркивание Б.М. Эйхенбаума) Лермонтова, т. к. именно той важной стороной его личности, о которой менее всего известно: «Каждое слово — он сам, вся его натура во всей глубине и целостности своей»» (Эйхенбаум 1969, с. 313).

Если в других работах проекция современности на историческое прошлое выглядела неотчетливо, как намек, только в виде совпадения дат или формулировалась в духе статей Луначарского («семена нового, революционного учения»), то в статье «Живой образ Лермонтова» Эйхенбаум устанавливает связь прошлого с современностью через психологию своих современников с поэтом прошлого столетия вполне прямолинейно: «Когда речь идет о гениальном человеке, прошлое соприкасается с современностью. Лермонтов для нас — не только историческая фигура, связанная со своей эпохой, но и живой образ, продолжающий действовать на нас и своим творчеством, и своей жизнью» (Эйхенбаум 1969, с. 311).

Говоря о двойственности личности Лермонтова, проявлении в ней взаимоисключающих качеств, развитых атмосферой эпохи, Эйхенбаум, увязывая прошлое и современность, возможно, имел в виду и представителей своего времени: «Гордость Лермонтова не была офицерской или светской спесью («честь мундира»), которая в нужных случаях легко оборачивалась низкопоклонством; это было нечто совсем другое, непонятное и несвойственное Васильчиковым и Мартыновым: ненависть из любви, презрение из-за гуманности» (Эйхенбаум 1969, с. 311).

Психология, влияние которой на искусство Эйхенбаум когда-то отрицал, теперь становится основной темой его размышлений в статьях конца 1930-х гг. В рассмотренных нами работах Эйхенбаум, по-видимому, пытается полемизировать с социологическим подходом к литературе, он усложняет представление о поколениях, вводит понятие психологии личности и указывает на ее значительное влияние на создание и восприятие литературного произведения.

Эта череда работ о Лермонтове, включавших сюжет встречи поэта с Белинским, завершившаяся статьей «Литературная позиция Лермонтова», была написана в атмосфере нападок на Эйхенбаума со стороны поддерживающих советскую идеологию литературоведов Л. Карпова, Н. Изгоева. В 1936–1937 гг. вокруг статей Эйхенбаума о Лермонтове разгорелся скандал, начатый статьями Изгоева «На вершинах русской поэзии» («Известия», 1936, № 9, 11 янв.) и «Снова о Лермонтове» («Литературная газета», 1937, № 19, 10 апреля), где был резко раскритикован подход исследователя. Эйхенбаум назван «недолеченным формалистом», его работы охарактеризованы «разверну-

той контрабандой формалистских установок под предлогом статьи о Лермонтове».

В этой же статье Изгоев говорил о недооценке Эйхенбаумом и другими формалистами значения Белинского: «Пусть Эйхенбаумы в тиши кабинетов изучают черновики, помогают издателям текстов, но слово о Лермонтове принадлежит Белинскому. Белинский останется – Эйхенбаумы уйдут» (Изгоев 1937). Изгоева поддержали А.Л. Дымшиц и Л. Карпов (Карпов 1937).

Очевидно, решив обратиться к проблеме взаимовлияния Белинского и Лермонтова, Эйхенбаум в каком-то смысле пошел на уступки требованиям своих обличителей, и в то же время он отказался от принятого в литературоведении подхода рассмотрения авторов исключительно с точки зрения социальных классов, к которым они относились, а их произведения – как изображение социальных процессов, результатом имевших революцию 1917 года.

В том, что Эйхенбаум говорит о «революционном учении», как будто бы назревавшем в мыслях двух авторов, тоже видна имитация языка статей перечисленных «партийных» литературоведов и представлениям Луначарского, и в то же время мы должны подчеркнуть, что уже в рассмотренных статьях можно обнаружить имплицитные переключки между своим временем и историей, не заданные идеологически, а происходившие из индивидуальных соображений исследователя.

Литературная «позиция» Лермонтова и Эйхенбаума

Два обозначенных выше подхода к истории и современности сосуществуют и в главной лермонтоведческой работе Эйхенбаума рассматриваемого периода – «Литературная позиция М.Ю. Лермонтова» (Литературное наследство, 1941, т. 43–44).

Надо сказать, что том 43–44 «Литературного наследства», куда была включена статья Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова», начинается со вступительной статьи академика В. Комарова «Лермонтов в наши дни», как раз лучше всего характеризующей следование советскому подходу к наследию Лермонтова. Так, например, имея в виду роман «Вадим» и стихотворение «Предсказание», исследователь пишет: «Нашей бурной, революционной эпохе эти бунтарские, мятежнические мотивы лермонтовской поэзии, составляющие ее сердцевину, особенно созвучны. Каждой стороной своих произведений поэт укрепляет нашу волю к жизни, призывает нас к действию, к борьбе» (Литературное наследство 1941, с. XIII).

Том «Литературного наследства» подготавливался во время Второй мировой войны, и в статье Комарова прослеживается параллель между сти-

хотворением «Бородино» и воззванием к народу «не щадить себя и своей жизни, защищая от врага родину-мать» (Литературное наследство 1941).

Параллели между современностью и историей литературы в статье Эйхенбаума выглядят иначе. В начале статьи исследователь говорит об особом значении Лермонтова для читателей 1930-х–начала 1940-х гг. вследствие пережитого ими исторического опыта, и здесь он как будто повторяет слова указанного выше автора:

«Между тем с каждым годом становится все яснее, что историческое значение Лермонтова огромно и что без глубокого и принципиального осмысления его жизни и творчества многое в истории русского общественного сознания той эпохи должно оставаться непонятным. Это особенно ясно нам, современникам *бурных лет революции и войн*: мы, прошедшие через богатый исторический опыт, читаем Лермонтова и чувствуем его иначе, чем люди конца XIX или начала XX в. Именно этот опыт дает нам право и возможность иначе понимать лермонтовские слова и интонации, иначе слышать его голос: не возводить его в «поэты сверхчеловечества», но и не низводить до положения мрачного одиночки или позера, который смотрит на весь мир “презрительным оком”» (Литературное наследство 1941, с. 4).

В то же время в словах Эйхенбаума нет призыва к «действию» через произведения Лермонтова, они позволяют двоякое толкование. И, как уже отмечал Тоддес, указание на «мрачную эпоху», в которой жил и развивался Лермонтов, могло быть имплицитной отсылкой и к эпохе 1930-х гг.

Эйхенбаум пишет о том, что хотя от Лермонтова ожидали развития в сторону романной формы и обращения к изображению жизни русского общества в прозаической, более «объективной» форме, чем поэзия, но после написания романа он все равно возвращается к написанию стихов, хотя в них, в частности, в стихотворениях «Дары Терека», «Три пальмы» «Лермонтов как будто вырывается из узкой сферы психологических тем и стремится расширить рамки поэзии» (Литературное наследство 1941, с. 69).

В статье «Литературная позиция Лермонтова» Эйхенбаум возвращается к проблеме литературной формы, развивая, по сути, те же представления об эволюции творчества Лермонтова, что и в ранней работе «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924) (хотя и формалистская терминология здесь редуцирована, частично завуалирована), и соотносит с формальными поисками обращение к индивидуальным или социальным проблемам: если лирические произведения означают субъективность, «рефлексию», сосредоточенность на себе, то прозаические – движение к описанию объективных процессов, действительности.

В статье «Литературная позиция М.Ю. Лермонтова» наблюдения над развитием литературной формы у Лермонтова по сравнению со статьёй, написанной в период следования формальному методу, отведены на второй план. В центре рассуждений Эйхенбаума здесь восприятие Лермонтова современниками – критиками, которые неверно его поняли, когда Печорина рассматривали как автопортрет поэта или находили в романе сатиру на свое поколение. Причина этого неверного истолкования заключалась в «позиции» Лермонтова: «На оценках и истолковании романа сказались *острота позиции*, которую занимал Лермонтов в отношении как к реакционным, так и к передовым кругам русской интеллигенции, и острота поднятых проблем, заставившая многих усмотреть в романе клевету на русскую действительность» (Литературное наследство 1941, с. 68).

В этой статье есть расхождения с предыдущими работами на тему спора Белинского с Лермонтовым. Если в рассмотренных выше статьях, с точки зрения Эйхенбаума, Белинский после прочтения предисловия к роману понял, что нельзя образ Печорина буквально воспринимать как автопортрет Лермонтова, то в статье «Литературная позиция Лермонтова» исследователь останавливается на мысли, что «даже Белинский утверждал, что Печорин – это сам Лермонтов «как он есть» (в письме к В. Боткину)» (Литературное наследство 1941, с. 66).

Характерно, что на этот раз рассуждение об улавливании скрытых смыслов в тексте Эйхенбаум выносит в начало статьи и добавляет пояснение к цитате, создавая тем самым модус ее восприятия:

«На путях к этой истине надо вернуться к суждениям Белинского и Герцена – свидетелей и критиков, слова которых и более достоверны и несравненно более ценны для нас, чем мнения позднейших критиков и исследователей, уже по одному тому, что они были замечательными людьми той же эпохи и видели в Лермонтове человека своего поколения. “Читая строки, читаешь и между строками”, – писал Белинский о предисловии к “Герою нашего времени”. Одна из самых важных стадий в научной работе над Лермонтовым (еще далеко не достигнутая) – приближение к такому пониманию его текста: к чтению “между строками”, к раскрытию “подтекста”, составляющего органическую и очень важную сторону его художественной системы» (Литературное наследство 1941, с. 6).

Рассматривая статью в контексте происшедшего в конце 1930-х гг. с Эйхенбаумом, нетрудно увидеть в том, что он пишет о Лермонтове, параллели с событиями в его жизни: его «позиция» по отношению к его противникам была аналогична «позиции» Лермонтова, исходя из того, как

он ее описывал. Как и роман Лермонтова, статьи Эйхенбаума были поняты критиками неверно.

Ситуация, когда Эйхенбауму приходилось отбиваться от ложных умозаключений, сделанных из его работ, растянулась на несколько лет. Письма конца 1930-х–начала 1940-х гг. красноречиво показывают, в каком эмоциональном напряжении находился исследователь в это время. В частности, 27 марта 1937 г. Эйхенбаум обращался в редакцию «Известий» по поводу статьи Н. Изгоева: «Уважаемый Иван Капитонович!

В “Известиях” от 16 марта напечатана статья Н. Изгоева, направленная против моих работ о Лермонтове. Я считаю эту статью грубым и наглым извращением моих мыслей. Она избилует ложью и передержками и фактическими ошибками. Это, на мой взгляд, типичный образец безграмотной литературной травли, подсказанной какими-то непонятными для меня соображениями» (Эйхенбаум 1937).

6 апреля 1941 г. он писал редактору Детгиза Г.Л. Эйхлеру: «Вы, по-видимому, еще не слышали об истории с диссертацией А.Л. Дымшица о Маяковском, которая разыгралась 18 марта и последствия которой до сих пор не исчерпаны. Писать об этом трудно, п[отому] ч[то] дело очень сложное. Я оказался под ударом – и уже пошли всякие кривотолки; из разных щелей вылезли поседевшие змеи и стали шипеть, что в моей статье о Тынянове (которая Вам понравилась) – формализм, идеализм и пр., что я не раскаялся и т. д. Нервы у меня сейчас в отчаянном состоянии – ничего не хочется делать, противно ходить в Институт...» (Дружинин 2012, с. 144).

В 1936 г. нападкам подверглась и биография Лермонтова для детей. С. Лелин обвинял Эйхенбаума в искажении фактов (Кертис 1994, с. 1991).

Статья Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова» могла быть связана с обсуждением методов критики и направлена в адрес современных самому исследователю критиков, поскольку в 1930-е гг. широко обсуждались принципы новой советской социалистической литературы. Литературная критика пыталась подчинить литературу идеологическим нормам, как отметил Х. Гюнтер в статье «Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1940», «критика не только приняла на себя функции воспитателя писателя и читателя, но стала частью разветвленной системы цензуры» (История русской литературной критики 2011, с. 250).

Говоря о том, что в свои статьи Эйхенбаум намеренно включает имплицитные параллели между судьбой своей и Лермонтова, мы в то же время не имеем в виду, что он намеренно искажал факты. Хотя и вольное обращение с фактами видно у Эйхенбаума, главным образом, в описании эпохи, о котором упоминал Е.А. Тоддес: ссылаясь на

Герцена, он описывал атмосферу эпохи, в которой как будто бы рос Лермонтов, хотя Герцен не говорил о Лермонтове, он говорил об эпохе в целом. Эйхенбаум описывает ее атмосферу, вероятно, имея в виду и свое время, и своих современников: «...надо было с самого нежного детства приобрести *навык скрывать все, что волнует душу*, и не растерять того, что хоронилось в ее недрах, – наоборот, надо было дать вызреть в немом гневе всему, что ложилось на сердце» («О развитии революционных идей в России»). Говоря это, Герцен как будто прямо намекает на детство Лермонтова – и именно на те стороны этого детства, которые были порождены условиями «мрачной эпохи» (Литературное наследство 1941, с. 7).

Как и в случае с цитатой из Белинского о чтении Лермонтова «между строками», Эйхенбаум, говоря о своей эпохе, использует цитату – в данном случае из Герцена – которая может быть прочитана и как описание современности исследователя, эпохи 1930-х гг. Факты в статьях Эйхенбаума выстраиваются и акцентируются таким образом, что в них угадываются отсылки и к его личной профессиональной истории, и к атмосфере его эпохи, к психологии его собственной и его современников.

Стремление находить связь между историей литературы и своей биографией уже прослеживалось и раньше в высказываниях Эйхенбаума. Так, 25 июля 1925 г. Эйхенбаум писал к Шкловскому: «<...> Писать мне сейчас очень трудно: <...> История утомила меня, а отдыхать я и не хочу и не умею. У меня тоска по поступкам, тоска по биографии. Я читаю теперь “Былое и думы” Герцена – у меня то состояние, в котором он написал главу “Il pianto” (ему тогда тоже было 38 лет)» (Эйхенбаум, Тынянов, Шкловский 1984, с. 188).

По наблюдению М.О. Чудаковой, история была для Эйхенбаума важнейшим феноменом, к которому он апеллировал и в литературоведении, и «в повседневной жизни» (Чудакова 1986, с. 103).

Теперь же такие параллели обнаруживаются не в письмах или дневниках, а переходят в историко-литературное исследование.

Обратный процесс – использование результатов научной работы в художественных произведениях – Эйхенбаум обнаруживает у Тынянова в статье «Творчество Ю. Тынянова» (1941), подчеркивая при этом проблему личной и общественно-исторической судьбы: «то, чего он [Тынянов] добивается методом научного мышления, становится “резервуаром” для художественной энергии. Рядом с историческим процессом формирования литературы (а тем самым и человеческой жизни вообще) неизбежно возникают проблемы личной судьбы и поведения человека и истории – проблемы сочетания свободы и необходимости» (Эйхенбаум 1969, с. 383).

Заключение

Обращение к сюжету встречи Лермонтова и Белинского в ордонанс-гаузе в нескольких статьях одного периода (1930–1940-х гг.) имело для Эйхенбаума, очевидно, не только методологическое, историко-литературное значение, но и индивидуальное, как эпизод, через который он осмыслил и описывал современную эпоху. Исследователь рассматривал это событие в разных статьях с точки зрения психологии двух авторов, развития индивидуального стиля Лермонтова, отношения критиков к поэту и его реакции на них. Как мы попытались показать, в этих работах происходит семиотизация исторического прошлого, они представляют собой тексты с двойным кодированием, где, кроме историко-литературного анализа и имитации официального дискурса, прочитывается и высказывание о современной эпохе, психологии современников, ситуации в современной литературе и критике. Послание это было не вполне явно, но, как кажется, считываемо. Определенные знаки отсылают то к одному пласту словесности 1930–1940-х гг., то к другому. Возможно, одни параллели возникали произвольно, другие вкладывались автором намеренно. Современная эпоха зашифрована в историко-литературном повествовании Эйхенбаума так, чтобы по определенным знакам, сигналам читатель мог считать послание о современной действительности. Рассмотренные тексты, конечно, и заменяли эго-документ, служили способом выражения собственных мыслей в ситуации невозможности прямого высказывания о себе и своем отношении к происшедшему вокруг.

Библиографический список

- Any, C. (1990), Boris Eikhenbaum's Unfinished Work on Tolstoy: A Dialogue with Soviet History, *PMLA [Publications of the Modern Language Associations]*, vol. 105, no. 2 (March), p. 223–233.
- Any, C. (1994), *Boris Eikhenbaum. Voices of a Russian Formalist*, Stanford University Press, Stanford.
- Белинков А.В. Юрий Тынянов. Москва: Советский писатель, 1965.
- Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 12–20.
- Дружинин П. «Одна абсолютно обглоданная кость»: история защиты А.Л. Дымшицем докторской диссертации // Новое литературное обозрение. 2012. № 115 (3). С. 124–147.
- Изгоев Н. Снова о Лермонтове // Известия. 1937. № 65. 16 марта. С. 3.
- История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добрен-

ко, Г. Тиханова. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.

Карпов Л. Снова о Лермонтове: Письмо из Ленинграда // Литературная газета. 1937. № 19. 10 апреля. С. 2.

Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Пер. с англ. Д. Баскина, под ред. Л. Мурзенкова. Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. 352 с.

Левченко Я. Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. Москва, 2012.

Литературное наследство. Т. 43–44. М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I.

Львов В.С. Литературная критика формальной школы (Ю.Н. Тынянов, Б.В. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум). Специальность 10.01.10 – журналистика. Диссертация на соискание степени канд. филол.наук. Москва, 2014.

Орлова Е.И. Борис Эйхенбаум как литературный критик. Три заметки к теме // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 30–46.

Сатин Н.М. Из воспоминаний / С предисл. Е. Некрасовой // Почин: Сб. О-ва любителей рос. словесности на 1895 год. Москва: Рус. т-во печат. и изд. дела, 1895. С. 232–250.

Серман И.Б. Б.М. Эйхенбаум и проблема истории // *Revue des etudes slaves* (Paris). 1985. Vol. 51. F. 1. С. 73–82.

Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.

Успенский Б.А. Избранные труды, том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Чудакова М.О. Беллетризация или осознание жанра // Литературная газета. 1984. 12 дек. № 50.

Чудакова М.О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 103–131.

Эйхенбаум Б., Тынянов Ю., Шкловский В. Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским / Вступительная заметка, публикация и комментарии О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185–218.

Эйхенбаум Б.М. М.Ю. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Москва: Гос. Издательство, 1924. 168 с.

Эйхенбаум Б.М. Ненависть из любви [О Лермонтове] // Ленинградская правда, 1939, 15 октября. С. 3.

Эйхенбаум Б.М. Основные проблемы изучения Лермонтова // Литературная учеба. 1935. №6. С. 21–41.

Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Ленинград: Советский писатель, 1969. 459 с.

Эйхенбаум Б.М. Письмо в редакцию газеты «Известия». 1937 // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 5.

Эйхенбаум Б.М. Спор Белинского с Лермонтовым. Рукопись доклада. Машинопись статьи. 15 марта – апрель 1941 // РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 115. 27 лл.

References

Belinkov, A.V. (1965), *Yurii Tynyanov*, Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.

Gasparov, M.L. (1990), Scientific and Artistic Qualities in Tynyanov's Works, *Tynyanovskii sbornik. Chetvertye Tynyanovskie chteniya*, Zinatne, Riga, pp. 12–20.

Druzhinin, P. (2012), "One Absolutely Gnawed Bone": The History of A. L Dymshits' defense of his doctoral dissertation, *New Literary Observer*, no. 115 (3), pp. 124–147.

Izgoev, N. (1937), Again about Lermontov, *Izvestiya*, no. 65, March 16, p. 3.

E. Dobrenko, G. Tikhanova (ed.) (2011), *The History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Epochs*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Karpov, L. (1937), Again about Lermontov: the Letter from Leningrad, *Literaturnaya gazeta*, 1937, no. 19, April 10, p. 2.

Curtis, J. (2004), *Boris Eikhenbaum: His Family, His Country, and His Country's Literature*, Translated by D. Baskin, ed. L. Murzenkov, Akademicheskii proekt, St.-Petersburg, Russia.

Levchenko, Ya. (2012), *Other Knowledge. Russian Formalists in Search of his Biography*, NIU VSHE, Moscow, Russia.

Sergievsky, I. (1941), Literary Heritage. M.Yu. Lermontov, *Academy of Science of USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House Dom)*, Eikhenbaum (ed.), Izd-vo AN SSSR, Moscow, vol. 43/44, part I.

L'vov, V.S. (2014), *Literary Criticism of Russian Formalist School (Yu.N. Tynyanov, B.V. Shklovskii, B.M. Eikhenbaum)*, Specialization 10.01.10 – Journalism. Dissertation for the degree of Candidate of Philology, Moscow, Russia.

Orlova, E.I. (2012), Boris Eikhenbaum as a Literary Critic. Three Notes on the Theme, *Voprosy literatury*, no. 2, pp. 30–46.

Satin, N.M. (1895), *From the memoirs*, Pochin: Sb. O-va lyubitelei ros. slovesnosti na 1895 god, Rus. t-vo pechat. i izd. dela, Moscow, pp. 232–250.

Serman, I.B. (1985), B.M. Eikhenbaum and an Issue of History, *Revue des etudes slaves*, vol. 51, f. 1, pp. 73–82.

Toddes, E.A. (2019), *Selected Works on Russian Literature and Philology*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Chudakova, M.O. (1984), Fictionalization or Awareness of the Genre, *Literaturnaya gazeta*, no. 50.
- Chudakova, M.O. (1986), Social Practice, Philological Reflection and Literature in the Scientific Biography of Eikhenbaum and Tynyanov, *Tynyanovskii sbornik: Vtorye Tynyanovskie chteniya*, Riga, pp. 103–131.
- Panchenko, O. (1984), Eikhenbaum B., Tynyanov Yu., Shklovskii V. From the Correspondence of Yu. Tynyanov and B. Eikhenbaum with V. Shklovskii, *Voprosy literatury*, no. 12, pp. 185–218.
- Eikhenbaum, B.M. (1924), *M.Yu. Lermontov. Experience of historical and literary assessment*, Gos. Izdatel'stvo, Moscow.
- Uspenskii, B.A. (1996), *Selected works*, vol. 1, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”.
- Eikhenbaum, B.M. (1939), Hate Because of Love [About Lermontov], *Leningradskaya pravda*, 15 okt-yabrya, p. 3.
- Eikhenbaum, B.M. (1935), The Main Problems of Studying Lermontov, *Literaturnaya ucheba*, no. 6, pp. 21–41.
- Eikhenbaum, B.M. (1969), *On Poetry*, Sovetskii pisatel', Leningrad.
- Eikhenbaum, B.M. (1937), *The Letter to the Editorial Office of the gazette “Izvestiya”*, Russian State Archive of Literature and Arts, F. 1527, Op. 1, Ed. khr. 289, P. 5.
- Eikhenbaum, B.M. (1939–1941), *Discussion of Belinsky and Lermontov. Manuscript of the Presentation. Typescript of the article*, March 15 1939–April 1941, Russian State Archive of Literature and Arts, F. 1527, Op. 1, Ed. khr. 115, 27 pp.

Submitted: 14.04.2021

Revised: 09.06.2021

Accepted: 25.06.2021